

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

ЖИТЬ И ВЕРИТЬ...

Все большее признание завоевывают произведения рано ушедшего из жизни кузбасского писателя Виктора Чугунова. Его повести и рассказы издаются в нашей стране и за рубежом. По одной из повестей на Свердловской киностудии сейчас снимается художественный фильм. Земляки чтут память писателя. В Междуреченском городском музее появился уголок, посвященный В. Чугунову. Одну из новых улиц города также решено назвать его именем.

Критик Е. Цейтлин несколько лет занимается изучением жизни и творчества писателя. Его заметки посвящены новой книге Виктора Чугунова «Таежника», вышедшей в московском издательстве «Современник».

Вот и вышла наконец первая книга Виктора Чугунова в столице. Автор когда-то так мечтал о ней.

Он жил в Междуреченске. Работал горным инженером, заочно закончил Литературный институт им. М. Горького, успев выпустить две тоненькие книжки рассказов. Вот, собственно, почти вся его жизнь.

Остальное — в рассказах и повестях. Некоторые из них кажутся вначале трагичными и даже жестокими. Это потому, что писатель чаще всего берет жизнь человека на изломе, когда многое рушится в привычном ходе бытия. Только за сегодняшними утратами для героев Чугунова всегда начинаются поиски гармонии, они счастливы, ощущая «запах горадающего дня».

«Любовь и работа, работа и любовь — это прошлое, настоящее и будущее», — однажды записал Чугунов в дневнике. Он не видел в этом многократном повторении унылой предопределенности. Работа становится для большинства персонажей его произведений не просто главным делом жизни — судьбой, поэзией, о которой не говорят, но без которой не могут жить.

Работа — это разгадка того сурового парадокса, что встречается нас в рассказе «Локомотив». Угрюмый силач Трофимов, руководитель маленькой группы, много дней и ночей идущий по тайге, страдает, однако де-

лает вид, что не замечает измену жены: без Семена, юного соперника Трофимова, с заданием не справиться, локомотив не вытаскать... Соизмеримо ли это — достоинство человека и его работа? Чугунов избегает прямолинейных выводов. Он предоставляет право «рассудить» читателю. Прозаик же бесстрашно обнажает то, что обычно люди скрывают не только от других — от себя.

Чугунов умел писать об истоплении работы, о святом ее азарте. Из рассказа в рассказ переходит его герой — уверенно, со злой настырностью делающие свое дело. Как формируется такой тип характера? Об этом — повесть «Таежника». Хотя можно сказать и по-другому: это повесть о любви.

Любовь в произведениях Чугунова показывает судьбы, жестоко испытывает людей. В «Таежнике» любовь тоже трудна, однако она не разбивает, а создает человеческую личность. На первый взгляд, ситуация банальна: студент, попавший летом в таежную деревню, должен начать борьбу за свое чувство. Но о штампах не думаешь, потому что Чугунов правдиво показывает жизнь глухого села, куда Советская власть пришла только в тридцатые годы, где мужики не хотят работать в колхозе, так как тайга их и без того кормит, где противника могут довести до

смерти, бросив на огромные муравьиные кучи.

Чугунов написал о мрачной силе равнодушия, которую хорошо чувствует студент и против которой восстает. Написал и о поэзии жизни — она тоже сопротивляется жестокости, но может погибнуть, если ее не спасти... Поэтичен, притягателен для героя и автора характер девушки Аги с ее насмешливым стремлением говорить вслух, что думает, отсутствием ханжества, с частушками и бабушкиными сказками. Хозяйка, у которой квартирует герой, говорит ему прямо и, должно быть, точно: «...не гонюшис: я ведь тебя по глазам вижу, что ты трус... У тебя душонка слаба для этих мест...». Герой сумеет преодолеть себя. Спустя годы он станет взрывником. Научится презирать, а главное — побеждать опасность. Это была профессия самого Виктора Чугунова, с которой он не хотел расставаться.

Герой «Таежника», рассказывающий свою нехитрую историю, признается: «И не казалась мне наша беспроблемная, мытарная жизнь без дома и детей чем-то страшным и безжалостным, как может представляться иным, потому что мы оба полюбили таежную глухую беспредельность земли: в ней можно бороться и riskовать». Это напоминает своеобразную «формулу жизни». Рано или поздно к ней приходят многие герои Чугунова. И все-таки в конкретном преломлении такая формула порой действительно покажется «безжалостной».

Вот новелла «Иван и Мария». Молодая женщина работает в школе уборщицей: топтит печи, моет полы, потом торопится забрать у бабки грудного ребенка, потом начинает справлять множество домашних дел. Она месяцами не видит мужа, ко-

торый пропадает в тайге с тракторным поездом. Марии сочувствуют, и она говорит то, что от нее ждут: «Иван мне по лантю, я сама с руками-ногами — не пропаду». Но она преданно и верно ждет мужа. Иван приходит исхудавший, с задубелым, обожженным морозом лицом. Приходит ненадолго. Мария вместе с мужем таскает ящики, грузит продукты, может быть, надеясь хоть на несколько часов освободить Ивана для семьи. Но рано утром он опять уходит. «Люди там, — ночью устало сказал Иван и показал в окно на тайгу. — Им работать и жрать надо для нашего дела, а мы тут валандаемся. Завтра ужоку, Манька, давай спать...».

Работа здесь отнимает у человека сокровенное. Вдруг вспоминаешь иные произведения 40—50-х годов, которые поэтизировали лозунг «План любой ценой!». Неужели Чугунов не понимал, что не стоит восхищаться жизнью, состоящей только из работы и ожиданий? Таковую жизнь можно было принять в годы войны, в первое послевоенное десятилетие, когда ради общего дела поступались личным — любовью, семьей, счастьем. Но необходимо ли это сейчас? «Плохая организация труда» — так можно объяснить мытарства и мучения Ивана. Да и самого его никак нельзя оправдать. Он помнит о людях в тайге, но не помнит о жене и ребенке. О том, к примеру, что дрова Марии приходится рубить самой, о ее длинных одиноких вечерах.

Все эти претензии вполне можно было бы предъявить Чугунову. Но все это при ближайшем рассмотрении к его рассказу не имеет никакого отношения. Автор пишет о живых, конкретных людях: Иван и Мария, конечно, не подозревают о

том, что такое «организация труда». Это кто-то другой ставит их в такие условия жизни. А они делают все, что могут сделать на своем месте. И они счастливы. Счастлив Иван, потому что умеет работать, переступив через «невозможное». Счастлива Мария, чей характер прежде всего оказывается в центре рассказа. Она безосибно ощущает свое счастье, когда утром, встречая в школе ребятнишек, слышит их гомон: тогда «Мария воспринимала мир ласковым и прекрасным, ей хотелось жить в нем бесконечно и радостно». И еще мир для Марии — это Иван: «Все ее существо было наполнено тугой памятью о решительном человеке, мужественном и честном».

Чугунов писал много, жадно, будто боясь не успеть. Писал не заметки «на будущее»: каждое произведение отделял тщательно, добиваясь точности словесного рисунка. Хорошо, что в сборник вошли материалы, не опубликованные при жизни прозаика. Когда редакторов «смутил» герой рассказа «Буховец» — опытный работник, начальник комбината в интересах производства не замечаящий людей рядом с собой. Вокруг Буховцева возникает своего рода «мертвое поле»: подчиненные смотрят на него «обмороченными глазами». Кому хуже от этого? Людям? Делу? Наверное, так. Но еще и самому Буховцеву. Он понимает это поздно, выйдя на пенсию. Понимает, как много потерял за десятилетия, хотя всегда хотел одного — «чтобы жизнь можно было назвать жизнью». К счастью, душа Буховцева не погибла, а как бы только забыла себя на годы и годы. В старости, мучительно прозревая, герой скажет: «Люди мрут, подстраиваются, но никогда не перестанут быть

самими собой». Это ведь и про него, Буховцева.

Трудно создавалась повесть «Прости меня завтра». Чугунов написал несколько вариантов, стараясь точнее выразить замысел. Повесть о молодом фронтовике, который после войны чувствует себя неприкаянным и ненужным. Он был комбатом — научился решать трудные задачи, узнал, как управлять многими людьми. Но, оказывается, он не знает самого себя. Антон Сорокин обижен: ему отказали в руководящей должности. Обида застилает глаза, не дает заметить, что из героя он постепенно превращается в заурядного спекулянта. Чугунов опять не боится трагических поворотов сюжета. И опять пишет как о падении, так и о возрождении души. И показывает тяжкую цену этого возрождения.

Читая сборник, радуешься. Но думаешь и о новых книгах Виктора Чугунова. Эта не вобрала и половину его произведений. Сюда, в частности, не вошли такие рассказы, как «Гетера» и «Полметра до катастрофы». Вроде бы неожиданные горькие, но это неожиданность незаурядных характеров, горечь тех сторон жизни, которые писатель порой стыдливо обходит... Предваряя публикацию «Полметра до катастрофы» в «Комсомольской правде», Сергей Антонов писал: «Автор не торопится делить героев на белых и черных, он умеет осторожно и незаметно подвести читателя к самостоятельной оценке поведения действующих лиц, заставляет читателя мыслить и проникать в загадку сложных жизненных поступков...».

Прав и В. Шугаев, автор предисловия к этой книге: «Рассказы Чугунова наполнены какой-то прощальной силой и грусти». И еще — надеждой. Как живешь, человек? — кажется, спрашивает нас сегодня Виктор Чугунов.

Е. ЦЕЙТЛИН.
г. Кемерово.